

нежели собственная наша склонность заста-
вила насъ избиратьъ; мы совершили свое пе-
ченіе, и се приближаемся уже къ концу.
Упомнены долгимъ путешествіемъ и непо-
буждаемы болѣе честолюбіемъ, теперь ког-
да стремленіе жизненныхъ силъ ослабѣло,
мы только жаждемъ покоя. Въ семъ состо-
яніи недѣйствія и свободы полезно и есте-
ственно есть размышлять о прошедшемъ.
Возведи очи свои на сіе бурное море, кото-
раго волны до облакъ воздымаются, возри
на поверхность онаго тихаго озера, гдѣ
легкій листъ недвижимъ покоится: перь-
вое изображаетъ намъ полдень нашего вѣка,
а другое безмольный вечеръ нашей жизни.
Младость есть время дѣятельности, а ста-
рость размышленія. Человѣкъ есть суще-
ство споль перемѣняющееся, какъ насѣкомыя,
коихъ многоразличнымъ превращеніямъ мы
удивляемся. Во утрѣ жизни своей оно пол-
заетъ; вскорѣ по томъ испытываетъ силы
свои и возлещаетъ, по томъ прелетаетъ къ
полудню, и въ вечеру оцепенѣвъ хладно па-
вшия въ темныя углы, гдѣ скрывается и
засыпаетъ, или, ежели временно и пробуж-
дается, по видя весьма малое предъ собою
разстояніе обращаетъ взоры свои на про-
странство, которое прешелъ. Человѣкъ про-
водитъ вечеръ дней своихъ, рассказывая по-
вѣсть жизни своея. Коль безплодное, коль
маловажное ни было основаніе сея повѣсти,
но ежели онъ изъ оныхъ можетъ почерпнуть
какое либо нравственное извлеченіе, сіе уже